

§ 4 ЗАКОН И ПРАВОПОРЯДОК

Жестеров П.В.

СОДЕРЖАНИЕ УГОЛОВНОЙ РЕПРЕССИИ: КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация: Предметом исследования являются понятие уголовной репрессии и современные подходы теоретиков, практиков, граждан страны к определению ее содержания. Автор обращает внимание на то, что сложившееся в российском обществе представление о преступности и ее основных показателях не зависит от объективного состояния правопорядка в стране. В настоящей статье дана критическая оценка ряда законодательных инициатив, в результате которых криминализированы новые деяния либо ужесточено наказание за уже существующие составы преступлений. С использованием методов правовой статистики в исследовании были проанализированы данные, отражающие результаты деятельности органов внутренних дел и судов. Делается вывод о том, что уголовная репрессия должна основываться на знании действующих законов, учитывать масштабы преступных проявлений и строиться на единой концепции уголовной политики. Особым вкладом автора в исследовании темы является предложение исследовать практику применения вводимых в уголовный закон норм с целью установления их эффективности и криминологической обоснованности.

Ключевые слова: Уголовная политика, уголовная репрессия, предупреждение преступлений, преступление, наказание, мошенничество, криминализация, преступность, смертная казнь, восстановительное правосудие.

Abstract: The subject of this research is the concept of criminal repression and the modern approaches of theoreticians, practitioners, and citizens of the country towards its content. The author underlines the fact that the opinion formed in the Russian society about criminality and its main indexes does not depend upon the objective state of law and order within the country. This article presents a critical assessment of a number of legislative initiatives, resulting in criminalization of new acts or increase in severity of the punishment for the existing elements of crime. The author makes a conclusion that criminal repression must be based on the knowledge of active laws, consider the scales of criminal activity, and be constructed upon a unified concept of criminal policy. The author proposes research on the practice of application of norms introduced into criminal legislation in order to determine their effectiveness and criminological validity.

Keywords: Capital punishment, criminality, criminalization, fraud, punishment, crime, prevention of crime, criminal repression, criminal policy, restorative justice.

Уголовная репрессия как основной элемент теории уголовной политики характеризуется предупреждением противоправных деяний уголовно-правовыми средствами. В науке уголовного права считается общепризнанным тезис о том, что «основанием уголовно-правовой репрессии служит только преступное деяние» [20, с. 4]. В свою очередь наказание выступает своего рода социальным последствием преступления [19, с. 336]. В этой связи не теряет актуальности утверждение С.П. Мокринского, что «центральным моментом уголовной репрессии... служит момент уголовного наказания» [18, с. 3]. Следовательно, уголовная репрессия, в ходе которой к лицу, признанному виновным в совершении преступления, применяются меры государственного воздействия, является одним из наи-

более ответственных моментов в правоприменительной деятельности органов государственной власти в сфере уголовного судопроизводства.

Решение задач уголовного закона требует учета специфики современной уголовной репрессии, которая имеет не только качественно новые правовые основы, заложенные с принятием в 1996 году УК РФ, но и отражает социально-экономические, политические, духовные начала российского общества и все больше соответствует тенденциям развития международных стандартов в сфере уголовного судопроизводства.

Однако в науке уголовного права не сложилось единого понимания уголовной репрессии, ее сущности, принципов, видов, форм реализации. Научные представления по рассматриваемым проблемам в основном

были сформированы в те периоды общественного развития, когда уголовная репрессия государства была кардинально иной.

В современной юридической литературе практически никем из ученых не оспаривается тот факт, что в нашей стране изменение отношения к уголовной репрессии связано с социально-историческим контекстом. Тем самым можно утверждать, что уголовная репрессия и представления о ней отражают социально-экономические, политические и духовные закономерности развития российского общества, а равно нравственные и правовые представления граждан относительно сущности, цели, задач и процедур предупреждения преступлений. Важнейшее условие эффективности этой деятельности, по мнению ряда авторов, связано с «глубоким криминологическим анализом преступности, ее разнонаправленной оценкой, как в ретроспективном, так и в прогностических аспектах» [4, с. 7].

Действительно, отечественный опыт подтверждает наличие у преступности такого признака, как историческая изменчивость, то есть свойства, отражающего прямую связь изменений преступности с меняющимся характером общественных отношений, а также с трансформацией общественных ценностей, защищаемых уголовным законом [4, с. 7]. Как справедливо пишет в этой связи Г.Ю. Лесников, «развитие общества и государства объективно предполагает эволюцию во взглядах на государство, право, в том числе на политику государства по обеспечению правопорядка в части борьбы с преступностью, обеспечения безопасности личности, общества и государства» [15].

Актуальность обращения к проблемам уголовной репрессии обусловлена целым рядом объективных и субъективных факторов. С одной стороны, все чаще подвергается сомнению способность строгого наказания, назначаемого преступнику, разрешать уголовно-правовой конфликт в обществе, бороться с отдельными противоправными деяниями и эффективно предупреждать преступления. В специальной литературе высказываются аргументированные сомнения в «возможности уголовного закона и вообще правовых средств» воздействовать на преступность [17, с. 295].

С другой стороны, несмотря на возросший интерес ученых и практиков к концепции «восстановительного правосудия» [5, 9, 13], следует констатировать, что уголовная репрессия остается пока основным, а порой и единственным вариантом разрешения уголовно-правового конфликта в рамках правосудия.

Для возникновения такой ситуации есть немало оснований. Как отмечает ряд исследователей, общество

имеет ограниченное представление о преступном поведении и об эффективном наказании [13, с. 121].

Во-первых, следует отметить высокий уровень криминальной угрозы в отношении, как граждан, так и их имущества. Современное общественное мнение продолжает оценивать криминальную ситуацию в стране как достаточно напряженную [14, с. 75]. Вот конкретный пример. Результаты опросов общественного мнения, проведенных АНО «Левада – центр» в марте 2013 года (уровень выборки 1601 человек), демонстрируют: население полагает, что более всего России угрожает рост преступности (так ответили 13,2 % респондентов из числа опрошенных граждан России от 18-и лет и старше) [6]. Однако официальные статистические данные фиксируют снижение регистрируемых в нашей стране преступлений. Так, в 2013 г. зарегистрировано 2206,2 тыс. преступлений, что на 4,2% меньше, чем за аналогичный период прошлого года. В 2014 г. тенденция на снижение числа зарегистрированных преступлений сохранилась, их количество составило 2166,4 тыс. (-1,8% к АППГ) [11, 12].

Во-вторых, большинство ученых подчеркивают, что «общественное мнение желает применения к преступникам самых строгих наказаний» [23, с. 160]. Как показывают результаты упомянутого выше исследования, каждый четвертый опрошенный стоит за ужесточение наказания за уголовные преступления (24,6 % респондентов) [6]. При этом опрошенные россияне не только выступают за восстановление смертной казни в прежних размерах (39,3 %), но и считают, что применение смертной казни следует расширить (15,9 %) [7]. В этой связи нельзя не согласиться с мнением Г.Ю. Лесникова о том, что в условиях сохраняющегося состояния тревожности население нашей страны ожидает «адекватного усиления уголовной репрессии со стороны государства» [14, с. 75]. Репрессивный крен в отношении преступников обусловлен не одними превентивными мотивами, но и желанием сохранить традицию «давать преступнику почувствовать на себе отрицательные последствия совершенного им преступления» [2, с. 64].

Вместе с тем если обратиться к показателям реализации уголовной репрессии, приводимым официальными лицами, то обнаруживается либеральная тенденция. По данным, приведенным Председателем Верховного суда Российской Федерации В.М. Лебедевым на совещании-семинаре председателей региональных судов, прошедшем в феврале 2015 года, число осужденных к лишению свободы снижается. Кроме того, каждый четвертый человек, представший перед судом, освобождается от наказания [3].

Итак, законодатель оказался не восприимчив к общественному мнению, установив мораторий на вынесение и исполнение смертных приговоров, расширив возможности назначения наказаний, не связанных с лишением свободы, и установив в ст. 82.1 УК РФ отсрочку отбывания наказания больным наркоманией, изъявившим желание *добровольно (!)* пройти курс лечения от наркомании, а также медицинскую реабилитацию, социальную реабилитацию. Вряд ли подобные сверхлиберальные уголовно-правовые меры способны позитивно повлиять на общественное сознание и снизить долю лиц, пораженных страхом стать потерпевшим от преступления.

Как отмечает ряд авторов, наметившиеся количественные и качественные показатели преступности на федеральном и региональном уровнях свидетельствуют о недостаточной последовательности уголовно-правовой политики, следствием которой становится принятие правовых решений, требующих дополнительного научного обоснования, соотношения со сложившимися политико-правовыми и социально-экономическими реалиями и закономерная актуализация проблемы эффективности уголовного закона [1, с. 48].

Таким образом, сложившееся в российском обществе представление о преступности и ее основных показателях не зависит от объективного состояния правопорядка в нашей стране и может быть одной из причин наблюдаемой в последние годы активности субъектов законодательной инициативы, которые все чаще предлагают законопроекты, криминализирующие все новые деяния либо ужесточающие наказания за уже существующие преступления. Так, А.И. Рарог справедливо отмечает, что вместо более эффективного использования не правовых (тем более не уголовно-правовых) способов законодатель сводит активизацию борьбы с преступностью к усилению уголовно-правовой репрессии, которое проявляется в различных направлениях [21, с. 90].

Речь, прежде всего, идет об избыточной криминализации. Наиболее ярким примером последних лет является так называемое «клонирование» состава мошенничества, когда в ноябре 2012 года в УК РФ были введены шесть статей мошенничества, отличающиеся от основного состава преступления, предусмотренного нормой ч. 1 ст. 159 УК РФ, детализацией способов совершения преступления и уточнением сфер, в которых возможны противоправные посягательства [22]. Новеллы обращают на себя внимание специалистов, вызывая некоторое недоумение. Например, Л.Д. Гаухман пишет, что нововведения «безусловно направлены на существенное смягчение условий ответственности за мошенничество, совершаемое в отдельных – названных – сферах» [4,

с. 27]. Некоторые авторы и вовсе считают тиражирование норм о мошенничестве «уголовно-политическим шагом законодательной и судебной властей по дальнейшей селекции расхитителей по сословным (классовым) признакам» [8, с. 88-89]. С.Ф. Милуков также отмечает, что таким образом была создана «невиданная доселе нормативная преференция для лиц, совершающих многомиллионные (и даже многомиллиардные) хищения» [24, с. 72]. Речь, в частности, идет о санкциях новых статей, которые ниже чем наказание, предусмотренное за мошенничество в нормах ст. 159 УК РФ. При этом законодатель не соотносит необходимость мер криминализации с объективными потребностями общества. Например, вряд ли соответствует объективным потребностям общества ограничение наказания в виде лишения свободы за мошенничество, сопряженное с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности, лишь одним годом (ч. 1 ст. 159.4 УК РФ). Вряд ли будет способствовать борьбе с мошенничеством в сферах кредитования (ст. 159.1 УК РФ), предпринимательской деятельности (ст. 159.4 УК РФ), страхования (ст. 159.5 УК РФ), а также с использованием платежных карт (ст. 159.3 УК РФ) и компьютерных технологий (ст. 159.6 УК РФ) и установление повышенных границ для определения крупного и особо крупного размера похищенного – полтора и шесть миллионов рублей соответственно (примечание к ст. 159.1 УК РФ).

Поэтому считаем, что криминализация перечисленных норм была нецелесообразна. С практической точки зрения, любой следователь отметит сложность установления многомиллионных хищений, признаки которых, как правило, тщательно маскируются преступниками. С точки зрения криминологической сущности незаконное предпринимательство и сложные мошенничества, связанные с хищением денежных средств кредиторов, получением незаконных страховых выплат, снятием крупных сумм с чужих пластиковых карт, незаконным переводом денежных средств с применением компьютерных средств, требуют сплочения усилий нескольких лиц. Не секрет, что многие преступные группировки изначально формируются именно для совершения мошенничеств в рассматриваемых сферах. В сложившихся условиях можно утверждать, что такие изолированные и вместе с тем трудно доказуемые виды мошенничества, гарантирующие получение более высоких незаконных доходов от преступной деятельности при снижении риска оказаться в местах лишения свободы, представляют особый интерес для объединений преступных лиц и группировок на экономической основе. А это уже опасное для общества явление – организованная преступность.

Есть и другие примеры, криминологически необоснованной криминализации. Так, криминализация нарушения порядка финансирования избирательной кампании кандидата, избирательного объединения, деятельности инициативной группы по проведению референдума, иной группы участников референдума не дала сколько-нибудь положительного эффекта. Прежде всего, серьезные нарушения вызывает качество норм ст. 141.1 УК РФ.

Во-первых, субъектом деяний, перечисленных в норме ч. 1 ст. 141.1 УК РФ, является физическое лицо, виновное в оказании финансовой и иной материальной поддержки помимо средств избирательного фонда. Однако сам кандидат либо его представитель по финансовым вопросам, а также представитель по финансовым вопросам избирательного объединения (блока) уголовной ответственности не несут.

Во-вторых, в соответствии с примечанием к ст. 141.1 УК РФ крупным размером признаются суммы денег, стоимость имущества или выгод имущественного характера, которые превышают одну десятую предельной суммы всех расходов средств избирательного фонда соответствующего кандидата, избирательного объединения, фонда референдума, установленной законодательством о выборах и референдумах на момент совершения деяния, предусмотренного названной статьей, но при этом составляют не менее одного миллиона рублей. Как показывают результаты правоохранительной деятельности в рассматриваемой сфере, такая норма может быть реализована лишь в отношении незаконного финансирования выборов федерального уровня, где предельные размеры избирательных фондов значительно больше. Для большинства региональных и местных выборов превышение одного миллиона рублей маловероятно, что практически исключает возможность привлечения к уголовной ответственности по ст. 141.1 УК РФ. Однако участвовать в выборных кампаниях в органы государственной власти и местного самоуправления в том или ином качестве чаще всего стремятся рецидивисты и иные криминальные элементы.

В-третьих, в норме ч. 2 ст. 141.1 УК РФ не указан субъект деяния в виде «расходование в крупных раз-

мерах пожертвований, запрещенных законодательством о выборах и референдумах и перечисленных на специальный избирательный счет, специальный счет фонда референдума». Полагаем, что применительно к рассматриваемому деянию целесообразно уточнить специального субъекта – лицо, уполномоченное распоряжаться средствами избирательного счета, специального счета референдума.

В-четвертых, нормы ст. 141.1 УК РФ не согласованы с административным законодательством. В частности, по материалам копий финансовых отчетов территориальных избирательных комиссий, которые запрашиваются сотрудниками подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции территориальных органов МВД России в избирательной комиссии субъекта Российской Федерации, проводятся проверки расходования бюджетных средств, выделяемых на проведение выборной кампании. Однако отсутствует четкий механизм аккумулирования и обмена полученной в ходе проверок информации для решения вопроса о привлечении виновных лиц к уголовной ответственности по ст. 141.1 УК РФ либо административной ответственности по ст. 5.18 – 5.20 КоАП РФ. Напомним, что согласно ст. 28.3 КоАП РФ протоколы об административных правонарушениях, предусмотренных перечисленными выше статьями, вправе составлять члены избирательных комиссий, комиссий референдума с правом решающего голоса, уполномоченные избирательными комиссиями, комиссиями референдума.

Полагаем, что необходимо исследовать практику применения вводимых в уголовный закон норм в течение более или менее длительного времени с целью установления их эффективности и криминологической обоснованности.

Таким образом, уголовная репрессия как реакция государства на противоправные посягательства в обществе должна основываться на знании действующих законов, учитывать масштабы преступных проявлений и строиться на единой концепции уголовной политики.

Библиография:

1. Авдеев В.А., Авдеева О.А. Основные направления реализации уголовно-правовой политики РФ в сфере противодействия преступности: сравнительный анализ федеральных и региональных начал // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. № 2.
2. Беляев Н.А. Уголовно-правовая политика и пути ее реализации. Л., 1986.
3. ВС РФ: Суды освободили каждого четвертого подсудимого [Электронный ресурс] // URL: <http://www.rg.ru/2015/02/10/sudi-site.html> (дата обращения 07.05.2015)
4. Гаухман Л.Д. Мошенничество: новеллы уголовного законодательства // Уголовное право. 2013. № 3.

5. Даллакян Л.Г. Медиация в уголовном процессе как центральный элемент концепции восстановительного правосудия // Вектор науки ТГУ. № 2(2). 2010.
6. Исследование: Курьер 2013-03 / Единый архив экономических и социологических данных [Электронный ресурс] // URL: <http://sophist.hse.ru/dbp/S=3244/Q=13/> (дата обращения 07.05.2015)
7. Исследование: Курьер 2013-03 / Единый архив экономических и социологических данных [Электронный ресурс] // URL: <http://sophist.hse.ru/dbp/S=3395/Q=52/> (дата обращения 07.05.2015)
8. Корецкий Д.А., Милуков С.Ф. Экономические преступники – друзья или враги народа? // Уголовное право. 2013. № 3.
9. Корягина С.А. Семейная медиация в раннем предупреждении преступности несовершеннолетних // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2012. № 2(20).
10. Краснова К.А., Волкова М.А. Исторический аспект развития ответственного законодательства об уголовной ответственности за бандитизм // История государства и права. 2011. № 20.
11. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2013 года [Электронный ресурс] // URL: <https://mvd.ru/reports/item/1609734/> (дата обращения 07.05.2015)
12. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации, в том числе в Крымском федеральном округе за январь – декабрь 2014 года [Электронный ресурс] // URL: <https://mvd.ru/reports/item/2994866/> (дата обращения 07.05.2015)
13. Кури Х., Ильченко О.Ю. Медиация и восстановительное правосудие как современные тенденции уголовного процесса: российский и зарубежный опыт // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. Том 9. № 1.
14. Лесников Г.Ю. Проблемы соотношения уголовной политики и уголовного права // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Белгород: Изд-во БелГУ, 2008. № 8(48). Вып. 4.
15. Лесников Г.Ю. Уголовная политика современной России: методологические, правовые и организационные основы: Автореф. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.disscat.com/content/ugolovnaya-politika-sovremennoy-rossii-metodologicheskie-pravovye-i-organizatsionnye-osnovy> (дата обращения: 30.03.2015).
16. Милуков С.Ф. Лжедемократизм российской уголовно-правовой политики // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2014. № 1(32).
17. Милуков С.Ф. Надвигающаяся финансово-экономическая катастрофа в ракурсе уголовно-правовой политики // Уголовное право в эпоху финансово-экономических перемен. М., 2014.
18. Мокринский С.П. Наказание, его цели и предположения. М., 1902.
19. Наумов А.В. Российское уголовное право. Курс лекций. В двух томах. Т. 1. Общая часть. М., 2004.
20. Пудовочкин Ю.Е. Учение о преступлении: избранные лекции. М., 2008.
21. Рарог А.И. Репрессивный крен российской уголовной политики // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. № 3.
22. Федеральный закон от 29.11.2012 № 207-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 49. Ст. 6752.
23. Шестаков Д.А. Российская уголовно-правовая политика под углом зрения исторической тенденции к смягчению репрессии // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1998. № 4(223).
24. П. Торнудд К реалистическим целям уголовной политики // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения / Journal of foreignn legislation and comparative law. – 2011. – 5. – С. 85 – 92.
25. Кобец П.Н. О предупреждении преступлений – как сложном, многогранном процессе, обладающем определенными признаками целостности // Полицейская деятельность. – 2011. – 4. – С. 56 – 60.
26. Васильев А.М. Смертная казнь в России: высшая, исключительная мера наказания, устрашение или политика? // Юридические исследования. – 2013. – 4. – С. 159 – 195. DOI: 10.7256/2409-7136.2013.4.674. URL: http://www.e-notabene.ru/lr/article_674.html
27. Г. Ю. Лесников Уголовная политика как стратегия и тактика борьбы с преступностью // Союз криминалистов и криминологов. – 2013. – 2. – С. 31 – 34.

References (transliterated):

1. Avdeev V.A., Avdeeva O.A. Osnovnye napravleniya realizatsii ugovolno-pravovoi politiki RF v sfere protivodeistviya prestupnosti: sravnitel'nyi analiz federal'nykh i regional'nykh nachal // Kriminologicheskii zhurnal Baikal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava. 2014. № 2.
2. Belyaev N.A. Ugolovno-pravovaya politika i puti ee realizatsii. L., 1986.
3. Gaukhman L.D. Moshennichestvo: novelly ugovolnogo zakonodatel'stva // Ugolovnoe pravo. 2013. № 3.
4. Dallakyan L.G. Mediatsiya v ugovolnom protsesse kak tsentral'nyi element kontseptsii vosstanovitel'nogo pravosudiya // Vektor nauki TGU. № 2(2). 2010.
5. Koretskii D.A., Milyukov S.F. Ekonomicheskie prestupniki – druz'ya ili vragi naroda? // Ugolovnoe pravo. 2013. № 3.
6. Koryagina S.A. Semeinaya mediatsiya v rannem preduprezhdenii prestupnosti nesovershennoletnikh // Kriminologicheskii zhurnal Baikal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava. 2012. № 2(20).

7. Krasnova K.A., Volkova M.A. Istoricheskii aspekt razvitiya otechestvennogo zakonodatel'stva ob ugovolnoi otvetstvennosti za banditizm // *Istoriya gosudarstva i prava*. 2011. № 20.
8. Kuri Kh., Il'chenko O.Yu. Mediatsiya i vosstanovitel'noe pravosudie kak sovremennyye tendentsii ugovolnogo protsesssa: rossiiskii i zarubezhnyi opyt // *Kriminologicheskii zhurnal Baikalskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava*. 2015. Tom 9. № 1.
9. Lesnikov G.Yu. Problemy sootnosheniya ugovolnoi politiki i ugovolnogo prava // *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta*. Belgorod: Izd-vo BelGU, 2008. № 8(48). Vyp. 4.
10. Lesnikov G.Yu. Ugolovnaya politika sovremennoi Rossii: metodologicheskie, pravovye i organizatsionnye osnovy: Avtoref. ... d-ra yurid. nauk. M., 2005. [Elektronnyi resurs]. URL: <http://www.dissercat.com/content/ugolovnaya-politika-sovremennoi-rossii-metodologicheskie-pravovye-i-organizatsionnye-osnovy> (data obrashcheniya: 30.03.2015).
11. Milyukov S.F. Lzhedemokratizm rossiiskoi ugovolno-pravovoi politiki // *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra*. 2014. № 1(32).
12. Milyukov S.F. Nadvigayushchayasya finansovo-ekonomicheskaya katastrofa v rakurse ugovolno-pravovoi politiki // *Ugolovnoe pravo v epokhu finansovo-ekonomicheskikh peremen*. M., 2014.
13. Mokrinskii S.P. Nakazanie, ego tseli i predpolozheniya. M., 1902.
14. Naumov A.V. Rossiiskoe ugolovnoe pravo. Kurs lektsii. V dvukh tomakh. T. 1. Obshchaya chast'. M., 2004.
15. Pudovochkin Yu.E. Uchenie o prestuplenii: izbrannyye lektsii. M., 2008.
16. Rarog A.I. Repressivnyi kren rossiiskoi ugovolnoi politiki // *Kriminologicheskii zhurnal Baikalskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava*. 2014. № 3.
17. Shestakov D.A. Rossiiskaya ugovolno-pravovaya politika pod uglom zreniya istoricheskoi tendentsii k smyagcheniyu repressii // *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie*. 1998. № 4(223).
18. P. Tornudd K realistichestkim tselyam ugovolnoi politiki // *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya / Journal of foreign legislation and comparative law*. – 2011. – 5. – С. 85 – 92.
19. Kobets P.N. O preduprezhdenii prestuplenii – kak slozhnom, mnogogrannom protsesse, obladayushchem opredelennymi priznakami tselostnosti // *Politseiskaya deyatel'nost'*. – 2011. – 4. – С. 56 – 60.
20. Vasil'ev A.M. Smertnaya kazn' v Rossii: vysshaya, isklyuchitel'naya mera nakazaniya, ustrashenie ili politika? // *Yuridicheskie issledovaniya*. – 2013. – 4. – С. 159 – 195. DOI: 10.7256/2409-7136.2013.4.674. URL: http://www.e-notabene.ru/lr/article_674.html
21. G. Yu. Lesnikov Ugolovnaya politika kak strategiya i taktika bor'by s prestupnost'yu // *Soyuz kriminalistov i kriminologov*. – 2013. – 2. – С. 31 – 34.